



ШАХМАТИСТ

Александр Николаевич Аткиновский родился в 1961 году в посёлке Токур Амурской области. Окончил Свердловский архитектурный институт. С 1988 года живёт и работает в Оренбурге. Член Союза архитекторов России, автор многих архитектурных проектов, а также автор двух сборников прозы и книги для детей. Печатался в газетах «Оренбургская неделя», «Истоки» (Уфа), журнале «Гостинный дворъ» и др. Победитель конкурса «Десять лучших стихотворений месяца» (Уфа), поэтического конкурса «Стихоборье» (2019), лауреат Международной литературной премии «ДИАС» (Казань, 2020) в номинации «Абсолют», финалист (шорт-лист) литературного конкурса короткого детского произведения (Москва, издательство «Настя и Никита», 2019). Член Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

Прошло две недели с начала нового учебного года, в каждой студенческой душе ещё была жива память о летних каникулах, и потому все с ленцой включались в учёбу, а некоторые лекции совсем не посещали. Сегодня, 14 сентября, — Семёнов день по русскому народному календарю, в стародавние времена очень большой праздник: завершение сельхозработ, начало бабьего лета и начало нового года, самое благоприятное время для свадеб; мальчиков четырёх лет, как будущих воинов, в первый раз сажали на коня. Вот и мы с другом моей мятежной студенческой юности Игорем после обеда не пошли на занятия, решив покататься на велосипедах и таким образом отметить праздник, для чего направили свои резвые молодые стопы в наше студенческое общежитие. Там переоделись, взяли в пункте проката велосипеда и покатали на озеро Шарташ (в переводе с тюркского

наречия — озеро «жёлтого камня»). В окрестностях озера когда-то были большие месторождения золота, и вся эта территория стала средоточием золотой лихорадки; прошло более ста лет, озеро превратилось в популярное место отдыха горожан, а золотая лихорадка осталась в воспоминаниях старожилов и легендах.

Дорога к озеру пролегла через огромный сосновый бор. Вековые сосны стояли настолько близко друг к другу, что их кроны смыкались между собой, и лишь редкие солнечные лучи достигали земли. Находясь в лесном полумраке, поневоле начинаешь верить в существование леших, кикимор и другой колоритной нечисти. Поэтому я особо не удивился, что не успели мы заехать в лес, как Игорь резко затормозил, поставил велосипед к ближайшей сосне и стал озираться по сторонам. Потом с этой же сосны в два обхвата принялся срезать ножиком кусок многослойной коры.

— Далась тебе эта кора, для чего она тебе? На обратном пути срезал бы!

— Саня, ты не понимаешь! Я хочу вырезать нам обереги — кресты из коры, даже нитки из общаги взял, через этот лес к озеру ещё ехать и ехать, вдруг нечистая сила какая-нибудь на пути встретится. А с берегами мы под защитой!..

Я, конечно, мысленно покрутил пальцем у виска, но возражать другу почему-то не решился. Мрак

вокруг действительно наводил на мистические мысли. Мы выехали из леса, на шеях у нас болтались кресты из коры, длиной сантиметров десять. Может, благодаря им мы никого не встретили — ни людей, ни зверей, ни кикимор, повернули на круг вдоль озера... Кто знает?..

Сделав круг, а это почти пятнадцать километров, мы двинулись было в обратный путь, как вдруг нас обогнала девушка на таком же велосипеде, как и у нас, задорно и даже как-то призывно помахав нам рукой, мол, догоняйте! Игорь, который привык во всём быть лидером, завёлся с полуоборота и прибавил газу, я, естественно, за ним! Догнать незнакомку было непросто, пришлось изо всех сил крутить педали. До неё уже оставалось метров пять, мы отчётливо видели светло-русые девичьи волосы, собранные в небольшую косу, курносое лицо в веснушках, искрящиеся озорными смешинками глаза (когда она оборачивалась). Видели пригнувшуюся к рулю спину в жёлтой футболке, плотно облегавшей тело, слегка съехавшее вниз чёрное трико, которое открывало верхнюю часть белых трусиков. Залюбовавшись девушкой, мы не стали её обгонять, а ехали за ней. Скажу больше — за этой девушкой в жёлтой футболке и белых трусиках мы готовы были ехать хоть на край света!..

— Хороша кикимора! — сказал я.

— Говорю тебе, ты в этом ничего не понимаешь, оберег сработал, а то сейчас за Бабой Ягой ехали бы к её домику на курьих ножках!

— А может, это Бабулька Ягулька и есть, только в образе прекрасной незнакомки!

— Обереги исключают такие метаморфозы! — твёрдо сказал Игорь.

— Ну, ладно-ладно, товарищ сказочник! — подначил со смехом я. Игорёк поцеловал свой крест и тоже засмеялся.

Продолжая смеяться, мы не заметили, как, следуя за девушкой, подъехали к своему же обещанию.

— Так ты учишься в нашем институте? — спросил я девушку, поравнявшись с ней.

— Да! Поступила на первый курс! Я год работала до института, и мне уже восемнадцать лет! Меня зовут Лариса.

— А я Саша, он — Игорь, мы уже на третьем курсе, одноклассники. Я год столяром отпахал до института, щас подрабатываю по специальности, в аудиториях форточки в оконные рамы врезаю!..

...Вечером Игорь закончил работу над крестами-оберегами — вырезал барельефы распятого Иисуса Христа из более светлого куска коры и приклеил на кресты, готовые обереги положил на тумбочку сохнуть. Разговор зашёл про Ларису, мы решили по-мужски и по-дружески

определиться, кому она больше нравится, кто с ней будет просто дружить, а кто ухаживать. Так я был зачислен в ухажёры Ларисы. Через несколько дней после знакомства я на правах ухажёра решил пригласить её погулять в Центральном парке культуры и отдыха, она согласилась.

Погода нам благоприятствовала, ни капли дождя, хотя всё небо затянули мрачные тучи, мы не спеша прогуливались по центральной аллее парка, Лариса взяла меня под руку и предложила:

— Пойдём, посмотрим на аттракционы за вот этими деревьями.

— Никаких аттракционов там нет, одни спортплощадки с брусками, турниками, шведскими стенками, я был здесь сто раз!

— А я вот не была, хочу посмотреть! — она мило улыбнулась, на щеках появились ямочки, как у певицы Людмилы Сенчиной, на которую Лариса была похожа. Если точнее, она была копия Сенчиной, только более молодая. Глядя на Ларису, я вспомнил фильм «Вооружён и очень опасен», шедший в прокате несколько лет назад, где в роли певицы из кабаре Жюли Прудом блистала моя любимая Людмила Сенчина.

Проходя мимо турника, Лариса неожиданно для меня подпрыгнула, повисла на руках и легко, словно бы и без усилий, подтянулась аж двадцать раз, высоко поднимаясь над

перекладной, почти касаясь её своей, без лифчика, грудью, прикрытой лишь белой рубашкой... Я впечатлился и грудью, и подтягиванием, ведь она не была особо хрупкой девушкой. С изумлением и восхищением я смотрел на неё.

— Ты гимнастка?

— Нет, не гимнастка, а каратистка, у меня коричневый пояс!

— О-о! Удивила! Не ожидал! А приёмчик какой-нибудь можешь показать?

— Запросто! Держи на вытянутых руках! — она подала мне лежащую рядом на траве метровую валежину, подгнившую, но довольно толстую. После чего, глубоко присев, Лариса несколько раз покачалась из стороны в сторону, разминая свои длинные ноги.

От сильного удара её ноги валежина сломалась надвое, а меня обсыпало древесной трухой. Лариса заботливо стряхнула с моей тенниски труху, находясь так близко ко мне, что я не удержался, обнял её, прижал к себе, чувствуя тепло и лёгкую дрожь её тела, стал нежно целовать сначала шею, потом губы. Она слегка растерялась, видно, не была готова к такому стремительному развитию событий, но, осмелев, стала уверенно отвечать на мои поцелуи, обвивая руками мою шею и прижимаясь ко мне гибким горячим телом...

— Что там у тебя под футболкой? — спросила она, отстраняясь.

— Игорь вот такую штуковину сотворил, сказал, что это оберег, — я показал ей крест из коры.

— Забавная вещица! — она, оттянув пальцем горловину тенниски, вернула оберег на место.

Мы шли по парку, и какое-то новое, радостное чувство не покидало нас. Пережитые приятные ощущения вновь и вновь волновали кровь; пройдя несколько метров, мы останавливались и целовались снова и снова...

Нацеловавшись, продолжали нашу прогулку. Теперь, когда настала пора поцелуев, было уже ни к чему демонстрировать силу и ловкость на турнике и брусках, а ведь у меня, скажу вам, в то время был первый разряд по спортивной гимнастике. Очень хотелось удивить Ларису, но я решил: ладно, после её подтягиваний это уже лишнее, покажу своё спортивное мастерство в другой раз, а сейчас будем ходить по аллеям парка и целоваться, целоваться... душа переполнена приятным дурманом!

Наше внимание привлекла группа взрослых мужчин, возбуждённо жестикулирующая, — такими эмоциональными оказались, как ни странно, шахматисты, которые играли на деньги, по пять рублей клали под шахматную доску...

Тут я понял, что случай предоставил мне возможность удивить Ларису. Хотя для чего-то конкретного пригодится, в свою

очередь, мой первый разряд по шахматам. Играть в шахматы меня научил отец, когда я был ещё первоклашкой. Первые несколько лет я отцу постоянно проигрывал и нередко плакал от досады на себя.

— Лёша! Да поддайся ты ему, он уже большой, а видишь, как расстраивается! — просила отца мать.

Но отец оставался непреклонен:

— Нельзя! Мужик растёт, а ты его своей жалостью в кисейную барышню превратить хочешь! Пусть научится сначала достойно проигрывать, а там и побеждать научится. Я в нём характер воспитываю!..

И я, спасибо отцу, сначала учился проигрывать, но лет с пятнадцати стал частенько обыгрывать отца, опытного дворового шахматиста. Вот тут настал его черёд переживать, много и нервно курить, и теперь мать просила уже меня поддаться отцу. А когда обстановка за шахматным столом накалялась настолько, что мы в азарте ругались, мать подходила и переворачивала доску вместе с фигурами! К тому времени я уже занимался в шахматной секции, участвовал в районных и областных соревнованиях, получал разряды, и отец был для меня уже соперник слабоватый. Учась в институте, я отстаивал его честь, играя в составе сборной, которая нередко занимала призовые места...

На поляне расположились девять квадратных столиков — по три на три ряда, столешницы из досок крепились к толстой центральной ножке-пеньку, пеньки-стулья стояли со всех четырех сторон, это позволяло двоим играть, а слева и справа могли сидеть болельщики. Взглядом будущего художника-конструктора я попутно отметил, что композиция из пеньков и брёвен, распиленных в длину пополам, — прекрасный образец для подражания, который можно использовать в курсовой работе. Шахматное сражение шло только за тремя столиками среднего ряда. Шесть игроков и шесть болельщиков-очередников в возрасте от тридцати до шестидесяти лет принимали активное участие в игре, одни сидели, напряжённо думали, другие стояли, взволнованно обсуждая минувшие шахматные баталии...

— Кстати, Лариса, у меня же первый разряд по шахматам, — как можно небрежнее заметил я. — Как думаешь, мне сыграть с ними или пойдём в планетарий? До него отсюда метров сто, сто пятьдесят!

— Мне кажется, ты должен сыграть, мне очень интересно. Только знаешь что? Давай договоримся, если проиграешь, отыгрываться не будешь, сразу пойдём в планетарий! Хорошо?

— Хорошо! Так и сделаем! — ответил я, хотя меня задело и раззадорило это Ларискино

«если проиграешь». — Ну а если всё-таки выиграю, немножко заработаем и дальше пойдём гулять. Как тебе такой вариант?

— Согласна!

Я занял очередь и стал смотреть, что играют и как играют. На всех трёх досках увидел различные варианты сицилианской защиты. «Модные старички!» — подумал я. Тогда все, кому не лень, играли «сицилианку».

По жребию мне достались белые, сразу преимущество! Повезло! Е-2 — е-4, противник ответил: е-7 — е-5. Мой следующий ход f-2 — f-4 привёл пожилого мужчину в замешательство, он надолго задумался. Мы разыграли любимый мною королевский гамбит, известный ещё с XVIII века, но сегодня изрядно позабытый. Соперник принял жертву пешки, я был в восторге, теперь у этого дяденьки ни одного шанса на выигрыш! Надо теперь быть внимательным, не зевать — и победа в кармане!..

Я сыграл десять королевских гамбитов, шесть дебютов четырёх коней, две защиты Нимцовича — ни одного поражения! Лариса после каждой моей победы восторженно вскрикивала и подпрыгивала, смешно прижимая руки к груди, смотрела на меня восхищёнными глазами. И это, собственно, и было главной моей победой, а вовсе не победы в шахматных сражениях. И всё же я уже почти по инерции продолжал побеждать и побеждать, играя уже на всех трёх столах...

Деньги с трудом помещались в карманах, соперники предлагали сыграть на часы, кольца и прочее, играть на вещи я категорически отказался.

— Лариса, пойдём! — махнул ей рукой и стал со всеми прощаться.

Я взял подошедшую ко мне Ларису за руку, и только мы сделали пару шагов к планетарию, как нас обступили со всех сторон проигравшие.

— Ты не можешь просто так уйти, ты должен играть до конца!

— До какого конца? Не понял!

— Правила не знаешь? Пока есть что поставить на кон, игра продолжается!

— А если я не хочу больше играть, тогда что?

— Ты деньги вернуть должен и перед уважаемыми людьми извиниться, а то посоветуемся да решим, чтобы штраф заплатил за отнятое у нас время! — нервно крикнул сухой лысоватый старичок небольшого роста. Дедушка схватил меня костлявой рукой за ворот тенниски и потянул на себя, стащил её до плеча так, что расстегнулись пуговицы, и вдруг замер, увидев висевший на шее крест из сосновой коры, взял его свободной рукой и стал разглядывать.

— Чо за хрень такая?

— Оберег, друг подарил!

— Ты смотри, какая тонкая, искусная работа, да друг твой — мастер!

«Шахматисты» ещё плотнее нас обступили, я снял крест, чтобы им удобнее было его разглядывать. Они передавали оберег из рук в руки, на их озверелых от шахматного азарта лицах понемногу проявлялись восторг и изумление.

— Хорошая вещичка! — пришли все к единому мнению.

Лариса прошептала мне на ухо:

— Саша, верни им все деньги, и пойдём в планетарий звёздное небо смотреть! Ты же всё равно победил, Бог с ними, с деньгами! — и загадочно добавила: — А там тем-но-о...

— Возьмите ваши деньги! — с этими словами я передал старичку выигранные деньги, при этом вывернул карманы, показывая, что отдал всё, а сам уже мысленно целовался с Ларисой в планетарии.

«Драка, сынок, это всегда травма — и душевная, и физическая, если есть малейшая возможность выйти из конфликта без крови, используй её, но не путём потери чести и достоинства, побори заживут, а душа нет, и если всё-таки драка началась, ну тогда стой до конца!» — почему-то вспомнились слова отца.

— Нас это не устраивает, будем продолжать играть. Васька, положи деньги в кепку! — командовал седой «гроссмейстер», глаза у него горели злобой и ненавистью пораженца.

Сейчас мне стало ясно: дипломатия исчерпана, придётся

действительно драться, просто так они нас не отпустят! Ни у меня, ни у Ларисы не было чувства страха, тем более правда была на нашей стороне, мы поступили честно, и нам ничего не оставалось, кроме как защищать себя. Сегодня, десятки лет спустя, я понимаю нашу глупость и беспшибашность в то время, нашу сверхсмелость и детскую наивность. Они в ярости могли нас порезать во время драки, окажи мы достойное сопротивление, это были не спортсмены-шахматисты, а жулики. Вы улыбнётесь, но тогда я думал, что мы с ними легко справимся, я не раз участвовал в уличных потасовках, и в этом у меня был определённый опыт, да и у Ларисы коричневый пояс по карате, хотя мне не хотелось втягивать в драку Ларису, не женское это дело — кулаками махать, а ногами тем более. Однако я посмотрел на неё и понял, что она не будет стоять в стороне. Наша лирическая влюблённость на глазах принимала оттенок боевого братства. Правда, душу немного саднила мысль, что мы, спортсмены, физически сильные и хорошо тренированные, можем покалечить этих немолодых и попавших в плен азарта людей. Но терзания совести напрочь заглушало то, что на их стороне значительное численное превосходство (я слышу ваш смех, читатель!)...

...Неожиданно пошёл проливной дождь, очень похожий на спасение. Словно кто-то сверху-свыше, наблюдая за нами,

решил окатить всех нас, как из ведра, чтобы излечить людей от несправедного азартного пыла. Наши противники побежали в небольшую беседку напротив, а мы гордо, как полагается победителям, пошли в планетарий!

— Крест твой себе оставляем, как штраф, дружок тебе ещё лучше вырежет! — почти умиrotворённо прокричал нам вслед злобноватый старичок. Оберев выполнил своё предназначение...

— Как мне хотелось этому деду оплеуху отвесить! — сказала Лариса, когда мы сели в трамвай. Удивительно, несмотря на дождь, одежда на нас была совершенно сухая, как будто кто-то всё это время держал над нами зонтик.

Я решил закомпостировать билеты, полез за ними в нагрудный карман и — о чудо! — обнаружил там двадцать пять рублей своего шахматного выигрыша. В горячке я забыл про эти деньги и теперь, улыбаясь, показал их Ларисе, у неё появились ямочки на щеках, как у певицы Сенчиной, и она, не в силах сдерживать себя, звонко засмеялась.

По дороге в общежитие мы купили две бутылки Советского полусладкого шампанского и два килограмма апельсинов с нагрузкой: шампунь, туалетное мыло и пудра... Нетрудно догадаться, что произошло в студенческом общежитии, из которого мы три дня не выходили. Впереди нас ждала большая любовь, с эмоциями и страстями через край, а

на следующий год — 14 сентября 1983 года, на Семёнов день — мы поженились, Игорь подарил нам на свадьбу шахматы, вырезанные из коры сосны.

P.S. Сегодня я действующий мастер спорта по шахматам, без пяти минут гроссмейстер, играю на различных международных соревнованиях, поэтому мне постоянно поступают предложения от любителей шахмат поучаствовать в тех или иных закрытых соревнованиях, по типу собачьих боёв, ставки высокие! Но я хорошо знаю и помню, чем обычно заканчиваются подобные азартные игры...

РЕВОЛЬВЕР SMITH & WESSON

Отец моего друга детства Сани Атланова работал автослесарем в большом гаражно-ремонтном хозяйстве прииска. Самосвалы ЗИЛ круглосуточно возили руду, добытую в шахте, на обогатительную фабрику, где из руды извлекали не что-нибудь, а золото. От такой тяжёлой работы машины быстро изнашивались, и их постоянно ремонтировали, поэтому дядя Ваня целыми днями пропадал на работе, авралы были не редкость, и его сын, можно сказать, рос без отца. Саня очень скучал по отцу, и после школы мы с ним довольно часто ходили к дяде Ване на работу. Нам нравилось там бывать и порою

играть. Как заворожённые, любовались мы работой токаря, который виртуозно вытачивал детали для машин, с восхищением наблюдали, как делают резьбу на болтах, смазывая заготовку куском сала. Во время перекуров отца, которые мы с нетерпением ждали, он водил нас по территории гаража и показывал ремонтируемую технику — самосвалы, экскаваторы, бульдозеры и ещё много всего. Мы залезали в кабины этих машин (под присмотром дяди Вани, конечно) и воображали себя на месте водителей, крутили баранки, гудели. Летом же, во время каникул, дядя Ваня иногда жертвовал обеденным перерывом и делал с нами вылазки на природу, чтобы набрать грибов и ягод, и это было несложно, поскольку тайга со всех сторон окружала гаражно-ремонтный цех.

Сегодня светило солнце, а вот вчера и позавчера шёл дождь. И потому в лесу было очень сыро, зато грибов значительно прибавилось, и за час мы почти наполнили свои корзинки. Несколько раз у нас буквально из-под ног взлетали рябчики; они выют гнёзда прямо под ёлками и в кедровом стланике, возле которого мы как раз и остановились, чтобы сорвать по несколько шишек. Дядя Ваня, выковыривая ногтем из смолистой чешуйки несколько спелых орешков, сказал:

— Всё, в следующие выходные идём за шишкой!

Двигаясь цепочкой по склону сопки, мы наткнулись на старую охотничью заимку. Участок сильно зарос молодым леском, рубленый домик давно сгнил и развалился от времени, осталась только пара нижних венцов.

— Эта заимка старше нашего посёлка! — пояснил дядя Ваня, опершись на бревно, к которому раньше, видимо, привязывали лошадей. — Старожилы говорят, что белогвардейцы здесь были в Гражданскую войну: в сторону Охотского моря уходили, и здесь им зазимовать пришлось, сплошь одно офицерье...

Дядя Ваня, раскрыв металлический портсигар с выдавленным на крышке памятником Неизвестному солдату и закурив, вдруг задумался о чём-то...

— Ребята, а гляньте вон там, под сухой листвой, вроде как груздь торчит! — он показал на полусгнивший венец сруба. Мы наперегонки кинулись срезать гриб, и Санька успел раньше меня. Я отошёл в сторону, поковырял ножиком мокрую слежавшуюся листву и тоже нашёл груздь, присел на корточки, стал расчищать около него, чтобы поглубже срезать; и вдруг мне в руки выкатилась железочка...

— А я медаль нашёл!..

Дядя Ваня деловито осмотрел медальку со всех сторон, поскреб её охотничьим ножом:

— Серебряная, царская... видно, в Русско-японскую войну такими награждали. Вон и года

стоят, тыща девятьсот четвёртый, девятьсот пятый. А сейчас уже семьдесят четвёртый, так что юбилей у медали — семьдесят лет получается! Ну-ка давайте покопаем, может, и ещё что-нибудь найдём, потом в наш краеведческий музей передадим.

И мы стали аккуратно срывать траву и мох, расчищая дёрн, пока Санька не наткнулся на какую-то железную трубку, уходящую в землю...

...Но вот раскопки наши закончились, мы разложили находки на траве и принялись их рассматривать. Среди наших трофеев оказались медали, много крестов, кожаный планшет с документами, истлевшая португеза с остатками кобуры и... огромный ржавый револьвер со стволом около тридцати сантиметров и барабаном на шесть патронов. Ствол оружия откладывался по подобию ружейного.

— Пап, дай нам пистолет посмотреть!

— Сейчас сниму с него некоторые детали, чтобы вы не растеряли...

Мы крутили и разглядывали револьвер, на котором различима была выдавленная надпись — «Smith & Wesson».

— Ну, наигрались?

— Нет!.. — хором выдохнули мы.

— Хватит, потом ещё поиграете, а мне на работу пора идти. И про «американца» этого никому ни слова, поняли?

И дядя Ваня сунул наши находки в сумку, а Smith & Wesson

спрятал в корзинку под грибы...

Американский револьвер уже неделю лежал в большой жестяной банке с керосином, отмокал от ржавчины. Мы в который раз пришли в гараж навестить его, Сашка знал, где отец хранит запасной ключ... И очень уж хорош был Smith & Wesson, чтобы мы смогли в этот раз удержаться, не похвастаться им перед одноклассниками, — пусть все завидуют! Револьвер был настолько большой, что еле поместился в портфеле...

На переменах мы бегали за школу и показывали находку своим друзьям-товарищам, и наша беготня с ватагой пацанов заинтересовала старшекласников. Трое из них, бывалые хулиганы, от которых страдала вся школа, во время очередных смотрин незаметно подошли к нам.

— Мы тоже хотим на ваш пугач взглянуть. Может, засветите его?

— Да пожалуйста, смотрите, — протянул им Саня револьвер.

— Вот спасибо! А хороша пукалка! Ну, мы пойдём... — бросил их предводитель Юрок Романенко, мигнув своим.

— Да отдайте! Это же наше!..

— Х-ха! Было ваше, стало наше! — хором, как пионерскую речёвку, прокричали Пашка с Вовкой — верные поделщики Юрка.

Вот так ситуация... Рассказать всё Саниному отцу мы не могли, силой забрать наш револьвер не могли тем более. Сошлись на том,

что тут нужны были хитрость и смекалка, иначе не вернуть нашу находку.

— Витёк, придумай что-нибудь, ты же мастер в этом деле!..

Думали долго, перебирали всякие варианты.

— А давайте сделаем так, — сказал Витька. — Нарисуем карту-план, где белогвардейцы якобы закопали оружие, и скажем, что план нашли вместе с револьвером. И на план сменяемся с ними!

— Не поверят. План на столет не сменяют. Скорее всего, пойдут в указанное место вместе с нами, начнут копать, а там ничего нет... — Санька́ явно не вдохновила такая идея. — Да ещё побьют за это...

— А я об этом уже подумал. После школы рванём к твоему отцу на работу, там попросим токаря дядю Федю кое-какие детали изготовить, похожие на оружие, да железок всяких насобираем, а потом прикопаем это всё на месте, которое укажем на карте. И вот они начнут рыть землю, найдут разные детали от пистолетов-пулемётов, да и на радостях, может, отдадут нам Smith & Wesson.

— Они и оружие откопают, и револьвер себе оставят, — продолжал сомневаться мой друг.

— Вернут! Во-первых, барабана у них нету, твой отец унёс его на работу ремонтировать, а во-вторых, револьвер огромный,

в карман его не положишь, не на плече ж его носить! И потом они столько вроде как оружия себе нароят, что наша железка им ни к чему...

— Ну тогда побежали в мастерские!..

Яму мы вырыли приличную, глубиной чуть больше метра, сильно устали, земля оказалась каменистой, сплошной щебень. Присели отдохнуть, рядом на промасленных мешковинах разложили всякие части «оружия». А чтобы изготовить его, мы перед тем два дня копались в поселковой библиотеке, срисовывали и пулемёт, и всякие разные детали. Ствол английского «Льюиса» нам по горячей просьбе сделал дядя Федя, сам этим увлёкшись: к толстой трубе приварил мушку, что-то вроде ножек откидных, а ещё диск для патронов... Не отказал и дядя Петя, фрезеровщик от бога, вырезал из металлического листа щиток пулемёта «Максим» с узнаваемой верхушкой в форме крышки рояля, да ещё мы набрали всяких пружин, винтов и других железок. Жаль было, ох как жаль, что всё это «оружие», хоть и фальшивое, надо закапывать...

— Мы как, Юрку и его дружкам завтра в школе расскажем про клад?

— Нет, мы не будем искать с ними встречи. Они сами нас должны найти, иначе заподозрят неладное...

— Это как? — недоумевал Атланчик, Саня наш.

— А завтра похвалимся ребятам про клад с оружием, и через час вся школа об этом будет знать!

— Нет, ты здорово придумал!.. Главное, чтобы мой отец раньше времени в банку с керосином не заглянул...

... — Говорят, у вас есть план, где беляки в Гражданскую оружие закопали? — спросил, лукаво прищурясь, Романенко.

— Ну, есть, а вам-то что? Вы у нас пистоль отобрали, вот и радуйтесь! — ответил я.

— Да больно нужен он нам!.. Давайте так: вы нам план, а мы вам ваш «тяжеловессон»... Годится? — предложил Юрка.

— Нет. Мы себе получше пистолетиков накопаем... Может, с патронами даже! — продолжали блефовать мы.

— А мы тогда дяде Ване расскажем, как вы не только у него пистолет украли, да ещё и нам его продали!

— Вы обалдели, что ли? Мы вам не продавали, это враньё!

— А кто докажет? То-то... Так меняемся или нет?

— Ладно, меняемся. Где револьвер? — ответил я, разыгрывая вынужденное согласие на обмен.

— А где план?

— Да вот, держи! — и я протянул Романенко план, бумажный листок с обугленными краями, весь пропитанный машинным

маслом, — так я пытался измарать и состарить бумагу. На листке была нарисована схема, каллиграфическим почерком подписанная «штабс-капитан Ольховский»...

— С нами пойдёте, мало ли что... вдруг вы оружие уже выкопали и перепрыгали, а это просто пустая бумажка!

Место, указанное на плане, находилось в полусотне метров от моего дома и метрах в трёх за сараем нашего соседа дяди Васи. Белогвардейцы, удивительное дело, лучшего места найти не могли, со стороны посёлка его не увидишь! Старшекласники с Юрком во главе с энтузиазмом принялись рыть землю.

— А что-то легко идёт, Юрка... может, уже выкопали тут? Ну-ка погоди... тряпка какая-то. А-га, железяки в ней!..

Руки у них дрожали от волнения, когда они вытащили и с трепетом стали разворачивать промасленную мешковину...

— М-мать честная — пулёмёт!.. — закричал Юрок.

— Вы о нас-то не забыли? — напомнил я.

— Нет! Забирайте свой мушкет и бегом, бегом отсюда, без вас теперь разберёмся! — с этими словами Пашка кинул револьвер в нашу сторону. Мы быстро его подняли и побежали домой.

— Смотрите не проболтайте никому! — донеслось нам с угрозой вслед...

Ещё дня два-три Романенко с компанией азартно копали, надеясь, что беляки недостающие части и боеприпасы зарыли где-то рядом с нашей ямой, и ходили по школе с видом самодовольным и загадочным. Да и кому бы из нас не захотелось собрать хоть «Льюис» или тот же «Максим»?! По дороге на уроки и мы специально проходили мимо раскопок, чтобы определиться: идти сегодня на занятия или вернуться домой, если наш обман раскрыт. Яма была уже метра два с половиной, когда до «археологов», наконец, дошло...

Во избежание грубой и, можно сказать, заслуженной расправы мы перестали ходить в школу. Классный руководитель позвонила на работу моему отцу и поинтересовалась, что случилось, не заболел ли часом я? Отец демонстративно снял ремень и тоже спросил, что со мной происходит?! Пришлось во всём чистосердечно признаться, рассказать, что старшекласники нам с Атланчиком назначили встречу, на их языке — «стрелку».

— Вот записка! — протянул я бумажку отцу.

Отец с особенным удовольствием прочитал вслух концовку:

— «...если с отцом придёшь, мы и его отдубасим!..»

Надо сказать, что мой отец Николай Захарович — мужчина крепкого телосложения, весом не менее центнера и ростом под два метра. В шахте, бывало, ставил на рельсы упавшую вагонетку

весом под триста килограммов. Единицы из горняков, мужчин далеко не сублильного сложения, могли это повторить, поэтому ни у кого никогда не возникало желание выяснять отношения с моим отцом силой. Тем не менее, я почему-то не был вполне уверен и боялся, что его на самом деле могут побить эти наглые подростки во главе с Юрком — если их будет, скажем, десяток...

Мы шли с Атланчиком вместе, а мой отец шагов на двадцать сзади. Нашей задачей было завязать разговор с кодлой, отвлечь внимание, дать возможность отцу незаметно подойти, чтобы никто не успел сбежать...

Разговор сразу стал переходить не в драку даже — в избиение, Юрок уже схватил было меня за грудки...

— Юра, у тебя какие-то претензии к ребятам? — довольно резко и громко, но при этом очень спокойно спросил внезапно подошедший отец.

От неожиданности эти герои растерялись и явно струхнули, как и мы с Саней тоже, враз ощутив себя мелкими и беззащитными рядом с грозным великаном.

— Дядь Коль, они нас об... обманули. Сами оружие выкопали... — с дрожью в голосе, с интонациями ябедника-детсадовца проговорил Юрок.

— А с чего вы взяли, что оружие там было?

— Да вот, посмотрите... здесь на карте всё обозначено, — и Юрок торопливо и услужливо протянул

моему отцу «план штабс-капитана». Отец внимательно рассмотрел чертёж:

— Во-первых, я очень сомневаюсь, что белогвардейцы писали на листках из ваших учебных тетрадей — в линейку, да ещё и с отведёнными полями; а во-вторых, Юра, ты в каком классе учишься?

— В девятом...

— А Гражданская война когда закончилась?

— В двадцать втором году... вроде бы, — послушно, как у школьной доски, ответил уже окончательно принижённый и сбитый с толку Юрок.

— Молодец, правильно! А наш дом построили в пятьдесят шестом, и Васька сарай свой год назад как сварганил. Так вот, на плане этом все расстояния от дома да от сарая показаны — каких тогда не было, понимаешь? И какие белогвардейцы могут быть, какой штабс-капитан?.. Если вы, лбы здоровые, своей головой не думаете, то при чём тут ребятня эта? — кивнул он на нас с Саньком. — И вообще, почему со своего отца пример не берёшь, Юра? Твой отец — специалист высшего разряда и человек очень порядочный! Мы с ним сейчас в одну смену работаем как раз. А ты слепил из себя невесть что... в блатные хочешь? За ум тебе братья пора. С девчонками дружить, свидания назначать, цветы им таскать, а не с малявками разборки устраивать. Оружие они не нашли белогвардейское,

вот ещё комедия! Может, отцу твоему, да и всей смене эту вашу историю рассказать? Смеху будет в перекур, а то все анекдоты перебрали, потравили... а тут из жизни прямо анекдот!

— Да не надо, дядь Коль... всё понял я. И девушка у меня есть, и... цветы, не думайте.

— Ну вот и славно! Ей только ни слова про эту историю с оружием, а то потеряешь девушку хорошую!..

...После такого вот общения с моим отцом поведение тройки хулиганов как-то сразу заметно изменилось. Похоже, Юрка и его дружки что-то поняли и наконец-то повзрослели, перестали задирать и обижать школьников, подтянули успеваемость, бывало так, что и за нас в каких-то случаях заступались. Дядя Ваня полностью восстановил Smith & Wesson, сетовал только, что вещь хоть и редкая, уникальная, но совершенно бесполезная. Вот только долго решал — в музей револьвер отдать или дома на ковёр повесить; но потом всё-таки отнёс в музей, вспомнив слова писателя Чехова о ружье, которое даже если и висит на стене, то непременно однажды выстрелит.

ЦАРЬ

Погасли уличные фонари, светает, но солнце пока прячется за спинами домов, подсвечивая их контуры. Середина марта, днём солнечно, тепло, капель,

проталины и лужи, а ночью подмораживает. В который раз за эту неделю я станцевала ламбаду на замёрзшей луже у крыльца четвёртой клинической больницы, где работаю медсестрой. Но сегодня, виртуозно переставляя ноги, я сохранила равновесие и не упала, зато провалилась по щиколотку в лужу, обхлюпалась грязной водой и, наверное, ободрала об лёд каблуки сапог, в автобусе посмотрю, что с ними, лень доставать из сумочки сотовый телефон. «Четвёрка» прошедшей ночью была ургентной больницей, со всего города «скорые» свозили к нам тяжёлых больных и пострадавших: в автоавариях, от ножевых ранений в уличных или бытовых разборках, с переломами рук, ног, отравленных наркотиками. Ночное дежурство было тяжёлым, я невероятно устала не только физически, но и морально, не всех, поступивших «по скорой», удалось спасти. Много лет работая в реанимации, я так и не научилась спокойно относиться к смерти больных, оплакиваю, как родных...

Подошедший автобус был наполовину пустой — от конечной до больницы одна остановка. Хоть в этом повезло, всегда еду домой через весь город с комфортом, люблю сидеть у окна, на переднем сиденье, но сегодня на моём любимом месте уже сидит бабушка, видимо, с внуком, мальчику лет семь, на его огромную голову надета женская

вязаная шапка, наверное, у него водянка головного мозга. И моё сердце, как ночью на дежурстве, заныло от жалости. Мальчик напряжённо смотрит в окно автобуса, время от времени поворачивается к бабушке и спрашивает: «Бабуль, я царь?» Она, тяжело вздыхая, соглашается с ним: «Царь!»

Через пять остановок мне выходить, стоячие места заполнились, автобус битком. Мальчик по-прежнему убеждает пассажиров, что он царь, сопровождающая его бабушка это подтверждает. У близких стоящих к «царю» сердобольных женщин слёзы на глазах, всем жалко больного мальчика. Держащийся за спинку сиденья, неопрятно одетый, пахнущий туалетом мужик, от которого, насколько возможно, сторонятся окружающие, неожиданно спрашивает башковитого мальчугана:

— Ты говоришь, что царь, а почему с нами, с простым народом, в одном автобусе едешь? Цари под охраной на каретах передвигаются! А? Молчишь?

— Дядь, я тебе скажу, что я мудрый царь! Я не слушаю, что мне мои министры говорят, как и чем живёт мой народ, сам во всём всегда разбираюсь! Не хочу, чтобы как в сказке «Гольфый король», бабуля мне её читала, там все вралли королю про не существующее на самом деле новое платье, потратили из казны на него кучу денег, а кто платье не видит, тот глупый, вот все и

врали, умными хотели казаться! Моя придворная няня подтвердит, что я царь! — мальчик, насупив брови, выжидательно смотрел на бабушку, которая в знак согласия кивнула головой.

— Красиво излагаешь, а вдруг ты не царь, а самозванец, что скажешь? — подключился к разговору сутулый дедушка с длинной седой бородой. Пассажиры взволновались от таких подозрений и в шутку стали требовать от новоявленного царя доказательств.

— Бабуля, предъяви доказательство моим подданным!

— Царь не должен оправдываться, его слово — закон для всех, а народ должен верить своему царю! Мой внук не самозванец! Смотрите! — пожилая женщина сдёрнула с головы мальчика вязаную шапку.

Автобус повернул на перекрёстке налево и наполнился солнечным светом, который, отражаясь от хрустальной головы мальчика, заставил невероятным свечением прижмуриться подданных вокруг «царя». Мальчик со стеклянной головой, мне это снится, сказала бессонная ночь? Я даже ущипнула себя — нет, всё происходит наяву!

— Мой старший внук учится в колледже на модельера, вчера готовил доклад «Головные уборы царей», а младшенькому, Коленьке, понравилась корона Российской империи, так он взял из серванта хрустальную вазу, формой на неё похожую, примерил,

она оказалась чуть-чуть мала, но брат помог ему вазу надеть на голову. Коля весь вечер ходил счастливый, домашним говорил, что он царь, даже хотел лечь спать в «короне» и добился своего, гадёныш, снять её с головы мы не смогли. Хотели «скорую» вызвать, да зять отговорил, за ночь, мол, голова меньше станет, а если ваза с кровати на пол упадёт, то не разобьётся, стекло толстое. Сейчас в травмпункт едем.

Я подумала: а ведь вчера «царь» в нашу бы больницу «по скорой» попал. Хирурги у нас толковые, сняли бы с него корону. Они в любой самой сложной ситуации помогают пострадавшим, были похожие случаи: один художник с пылесосом очень по-мужски обошёлся, парень вместо кольца гайку на палец надел, старший холостяк термос решил приспособить, а снять не смог; всем известно, народ у нас творческий, с фантазией, мы всё-таки первые в космос полетели.

Водитель проехал мою остановку, как и две предыдущие, — наблюдал в зеркало за происходящим в автобусе. Через пару сотен метров, после криков пришедших в себя пассажиров, он высадил нас напротив супермаркета, замёрзшие лужи возле которого уже подтаяли. Я посмотрела на свои сапоги: повезло, ни одной царапины от осколков льда — и направилась в магазин взять тёплых булочек к чаю. Завтра с восьми утра — новое дежурство.

МУЗЫКА В НОЧИ

Музыка в ночи, которую никто не слышит, не видит и о ней даже не догадывается, ни ночная бабочка, опьянённая темнотой маленькой комнаты и бьющаяся в запотевшее окно в тонких пульсирующих жилках воды, за которым молочно-серый туман; ни старые, огромные настенные часы, затаившие дыхание, ни круглый деревянный стол-калека, у которого вместо четвёртой ноги навалена гряда картонных коробок и книг, ни солдатская шинель в углу на гвоздике, ни ночная рубашка, небрежно брошенная на стул, ни скрипучая кровать. Музыка в ночи чувствуют только двое — он и она, бывшие одноклассники...

Музыка в ночи... Он курит в форточку, она прислонилась лицом к стеклу, к холоду улицы, на которой ни единого прохожего в паутине ночных тополей, среди которых слова о любви, о счастье, о верности смешивались с ароматом весеннего цвета... — ими не забыты... И сейчас они искренне говорят только о самом-самом главном. О любви... Губами... Слов нет. Сказать откровенно можно только чувствами, у него сильные тёплые руки... Музыка ночи, они растворяются в ней.

Она смотрит в огромный выбеленный потолок, который то приближается, то удаляется,

вдруг она вскрикнула так громко, что кто-то вышел в коридор и включил свет, появилась жёлтая рамка по контуру двери, зашаркали спросонья тапочки, оборвалась вода в унитазе, и этот кто-то закашлялся, через замочную скважину в комнату пробрался табачный дым... Ти-ше!.. Ты говоришь очень громко, так громко, что нашу тишину услышал кто-то другой. Ти-ше! Говори тише, чтобы не потерять нашу музыку! Ти-ше!..

Он сохранит навсегда всё то, что таят эти глаза, что чувствуют эти сухие губы, как пахнут её волосы, как она прекрасна, и дождь кажется совсем глупым недоразумением ночной заснеженной улицы. И в книге жизни эта ночь — вечно неоконченная музыка. Музыка. Музыка в ночи...

Время... Но время уже немолимо понеслось вперёд. Опомнившись в шесть утра, огромные настенные часы, тяжело вздохнув пузатой медью маятника, вдребезги разбили тишину, дом ожил, наполнился бытовым шумом, засопел, зачихал, зазвенел посудой вечно чужой коммунальный мир. В окнах дома напротив вспыхнул свет и сразу же прищурился, прикрытый шторами. Исчезла с гвоздика висевшая в углу солдатская шинель. Он ушёл на поезд, потом фронт и её одиночество на всю жизнь — и музыка... Музыка этой ночи.